

ЧЕРНЫЙ ПЕЛИКАН

Вадим Бабенко

Ergo Sum Publishing

WWW.ERGOSUMPUBLISHING.COM

Литературно-художественное издание

Издательство Ergo Sum Publishing, 2014

© Вадим Бабенко, 2014

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в информационных системах или передача в любой форме и любыми средствами – электронным, механическим, посредством фотокопирования, записи или иными – любой части книги, кроме цитат и коротких фрагментов, используемых для рецензий, запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-99957-42-24-9 (Электронная книга)

ISBN 978-99957-42-25-6 (Мягкий переплет)

ISBN 978-99957-42-26-3 (Твердый переплет)

Все персонажи являются вымышленными. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

www.ergosumpublishing.com

www.blackpelicanbook.com

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Я и сейчас хорошо помню свое появление в городе М. Оно растянулось во времени – путешествие было долгим, осаждавшие меня мысли переплетались с дорожными картинками, и казалось, видимое вокруг уже имеет отношение к самому городу, хоть до него еще было несколько часов пути. Я проезжал мимо фермерских владений, затерянных в безлюдье, мимо небольших поселков или одиноких поместий с возделанной зеленью вокруг, мимо полей и лесистых холмов, искусственных прудов и диких озер, от которых уже пахло болотом – затем, около самого города М., оно переходит в торфяники и пустошь, где на многие мили нет никакого жилья. Попадались скромные городки – шоссе ненадолго становилось их главной улицей, мелькали площади, скопления магазинов, потом, ближе к центру, банки и церкви, проносились колокольня, обычно молчащая, затем вновь мельтешили окраинные пейзажи с магазинами и бензоколонками, и все: город кончался, не успев ни взволновать, ни заинтересовать. Я видел странных людей, которыми кишит провинция – они предстают забавными на короткий миг, но потом, соизмерив их с окружающим, понимаешь, как они обыденны, и перестаешь замечать. Кое-где мне махали с обочин или просто провожали взглядом, чаще же никто не отвлекался на мое мгновенное присутствие, оставаясь позади, растворяясь в улицах, отходящих в стороны от шоссе.

Наконец поля пропали, и начались настоящие болота – влажная, нездоровая местность. Тучи насекомых разбивались о лобовое

стекло, воздух стал тяжел, казалось природа наваливается на меня, чуть придушивая, но это длилось недолго. Вскоре я выехал на холм, болота остались чуть восточнее, уходя к невидимому отсюда океану ровной, заросшей диким кустарником полосой. Вокруг теперь были густые деревья, тени скучивались на полотне неразборчивой вязью, а еще через несколько миль шоссе расширилось, и дорожный указатель возвестил, что я пересек границу владений города М.

Все, что я слышал о нем, становилось похоже на правду. Я узнавал – не в деталях, но по существу – побитую, выщербленную дорогу, подверженную частым ремонтам, нищий пригород, мануфактурные склады на подъезде и недостроенный Мемориал, блистающий ненужной арматурой у самой городской черты. Показалась аляповатая арка – памятник маленьким синим птицам – сверкнула позолотой на заходящем сзади солнце и пропала бесследно. Движение замедлилось, начались перекрестки, деревья уступили место дешевым мотелям и антикварным лавкам. Я проехал мимо скромного щита, обозначающего внутреннюю городскую территорию, с полчаса протатился в заторе – и очутился в самом городе.

Сразу все изменилось, пространство сузилось, и взгляду стало тесно. Меня обступили разновеликие дома, их фасады были неопрятны, там и тут чернея проплешинами – то ли от копоти, то ли от влажного климата. Архитектура не впечатляла, и трудно было говорить об общем стиле, но здания глядели с достоинством, не нуждаясь в заезжих оценщиках. Улицы не то чтобы пустовали в этот дневной час, но люди, видневшиеся на них, не выглядели важной частью окружающего пространства. Город вполне мог обойтись без них, и это было справедливо – что они могли ему дать, нищий с пепельной бородой и белым зрачком, скопление бездельников у кинотеатра, разрозненные группы домохозяек или маленькая горстка чужаков – я и мой автомобиль? Ничто не подавало мне знака, быть может даже и не заметив среди прочих, мир не откликнулся на мое появление и не распознал намерение, словно ввозимое контрабандой в чемодане с двойным дном. Я искал знамение или подсказку, изготоясь использовать фантазию на все сто и благодарить за любой самый

тонкий намек, но не находил ничего, подходящего для расшифровки, способного дать толчок и взволновать настороженный разум.

Так и должно было быть, успокаивал я себя, ничто настоящее не раскрывается при первом взгляде – но обида и нетерпение все равно свербили в груди, заставляя кривить лицо и вертеть головой по сторонам. Посмотрите на меня, хотелось крикнуть молчаливым зданиям, посмотрите, я вовсе не с пустыми руками. Я привез вам интригу, что подстать самым грозным тайнам – удивитесь мне, такое случается не каждый день. Я способен на многое, и мой замысел небезобиден – что еще нужно, чтобы оживить ваши грезы? Поверьте мне, разглядев наконец: наш контакт неизбежен и наверное совсем уже близок... Но камень не откликнулся, и жизнь кругом шла своим чередом, так что можно было усомниться и самому – а не лукавлю ли я, заранее набивая цену? Похож ли я на тех, кто совершает поступки, попадая на передние планы и в главные роли? Ничто не докажешь наперед – ни себе, ни другим – хоть разбейся в лепешку и истрать полчища фраз.

Все путалось – раздумья и паутина улиц, повороты и переулки, указатели и магазинные вывески. Мой маршрут сделался неясен, я сбросил скорость и стал мешать движению. Мне сигналили и на меня оборачивались из окон машин, я засуетился, пытаюсь сориентироваться поскорее, потом свернул направо без всякой цели, просто освобождая кому-то дорогу, и вдруг оказался в тупике.

Это было кстати – я уже принимал этот город слишком близко к сердцу. Так же, думаю, как и треть всех прочих, впервые приезжающих сюда, а остальные две трети – просто глупцы. Тупик успокоил меня. Я вышел из машины и сел на скамейку у невысокого жилого дома. На веревке меж деревьев сушилось белье, двор был пуст, лишь кошка, по виду бездомная, безучастно разглядывала мою машину из подвального окна. Чуть ниже и в стороне тянулся пустырь, где что-то строили – рыли котлован и возились с бетонными блоками для фундамента. Суетились рабочие в ярких куртках, натужно гудел экскаватор, оставляя за собой безупречную кромку. «Точная работа», – подумал я насмешливо и почувствовал вдруг, как город М. теряет ореол, превращаясь во что-то привычное, пусть пока еще и незнакомое вовсе.

И тут же стало тоскливо на миг, я будто понял, что приехал сюда напрасно, мне нет пути никуда, и нигде не найти того, что я ищу. Но это быстро прошло, я уже был не тот, что прежде, и почти разучился себя жалеть. Каждый город, в который приезжаешь, приносит свои темные мысли – и светлые мысли тоже, пусть не в таком обилии – и я был готов к ним ко всем, к светлым и темным, и поздравлял себя с этим, хоть М., встречая стройкой на пустыре и захолустным двором, не спешил вдохновлять на что-либо. Это устраивало меня вполне – я понял, что не ищу вдохновения извне. Первый порыв прошел, и взгляд сам собой оборотился внутрь, словно устав от окружающих деталей. Там, внутри, всегда отыщется что-то, на чем можно задержаться зрчком – и я стал спокоен, будто позабыв безразличие окружающего, думая о своем без горечи, проходя вновь и вновь по исхоженным тропам – не как путник, спешащий к цели, но будто праздный житель, вышедший прогуляться.

Неспешно и отстраненно я перебирал фрагменты прежних знаний, что достойны равнодушия – тем более, если возвращаешься к ним раз за разом, почти уже помня, в каком порядке лежат. Вот из категорий пространства: гулкие улицы, темный фон, в подворотнях – застывшие группы статистов, содержание утеряно. После более внятно: старый парк, где деревья скучены и переплетены ветвями, облупившаяся краска скамьи – отклик места, где тебя любили в юности, там теперь никто не живет. Или под ним – стадион и лодочная станция, чья-то рука, загорелая до черноты. Или – маленькая шарада первой квартиры, поделенной на три неравных куска... Но нет, вспоминаем поспешно, это уже из Хроноса: летние каникулы и ворох беспечных планов, время, когда прилетали большие шмели, затем – время, в котором возмужал внезапно, не отдавая себе отчета, что именно теряешь, и – три неравных куска, с соседями и без, с одной, другой женщиной, потом – в одиночестве, без помех...

Я пытался представить, как делал это не раз, точные формы и живые краски – что-то, о чем знаешь не понаслышке, пусть хотя бы цвет листвы, обои на стенах или одеяло на узкой кровати – но порядок прежних знаний неумолим, зацепки произвольны, ни одной мысли не прикажешь застыть и не двигаться, чтобы пристальнее осознать.

Спешка, спешка – мельтешенье таксомоторов, странные игры взапуски, как-то связанные с карьерой, лица людей, к которым тянулся, или которые льнули к тебе, добиваясь контакта, убеждая, убеждаясь в тайном союзе, заключенном без ведома всех, обманываясь, обманывая. Чаще ненамеренно.

Вообще, с лицами проще – дольше живут в памяти. Можно всласть умиляться или вновь презирать, вызывать на поединок, не желая зла, или гнать с отвращением, зная, что не уйдет, пока не закроешь потайную дверцу. Но и все же приедаются быстро, не сосредоточишься как следует – все как-то анахронично: бессловесные жесты, немое кино, даже титров нет. Вспоминая же диалоги, привираешь, приукрашиваешь, всякий раз импровизируя по-новому, уж больно велик соблазн. Так и теперь, я сидел, унесясь в прошедшее, проговаривая имена, которых давно не слышал, то и дело ловя себя на слишком смелой лжи, с некоторым стыдом порываясь менять детали, чувствуя, что не умею, не хочу, ленюсь, или просто прежние знания уже почти на исходе, и память выталкивает меня наружу, где – заезженные кадры последних месяцев или последних лет, даже и не отличишь. Все периоды одинаковы, малы они или велики, так что сбиваешься и путаешь номера, а потом машешь рукой – все одно и то же, созерцание тех же картин, собственная персона в: ожидании звонка, ожидании писем, ожидании плохих новостей, получении плохих новостей, ожидании нового звонка – и так по кругу. Но круг этот непрочен, если бояться его не слишком, если решиться разорвать его вдруг – как нырнуть – и вынырнуть уже в: отсутствии удивления, холодной насмешке над собой, нелюбви к себе, потом – опять любви к себе, и наконец – в решении.

Да, в этом-то и отличие, к этому и подвожу – это уже не замкнутая петля. Ты можешь беречь задуманное, как маленькое сокровище или укромную свербящую мысль, но мне нравится по-другому, и я называю по-другому: я называю это «мой секрет», совсем иначе звучит. И с моим секретом уже можно жить, поверьте, и отправляться в город М., что я и сделал, так что все нити разорваны – а это всегда путь к, думают все, отчаянию, но на деле – к спокойствию. Я прилежно рассматривал снова со всех сторон, и сознанию всякий раз являлся не

порочный круг, но мой секрет и город М., и я в нем, внутри, тайный лазутчик, проникший через заслоны, разведывательный отряд армии себя самого. Если отбросить условности, то всякий скажет: да, отличие несомненно, совсем другой человек.

И со стороны посмотреть не зазорно: другой человек, незнакомая персона, безработный и беспечный беглец-пилигрим, не имеющий постоянного адреса, не живущий нигде, кроме, разве, своей машины, Альфа-Ромео пятилетней давности, жесткие рессоры, спортивная модель. Это я. Не возбужден обстоятельствами, не имею привязанностей. Имею Гретчен, но это не в счет, объясню потом. Заботиться не о ком, и обо мне – некому. Лучше ли мне так? Сравниваем по списку. Плюс на минус – выходит поровну. Впрочем, многое не учел...

Увлечись, я перепрыгнул к новым сериям немного кино: другой человек, незнакомый житель столицы выходит солнечным утром из обветшалого особняка, когда-то проданного за долги и превращенного в многоквартирный дом. Его шаг порывист, взгляд чуть затравлен – мимолетным напоминанием. В особняк он больше не вернется, консьержке-сплетнице последнее «прощай». Вещи вывезены и раздарены, ключи оставлены в двери, если поворачивать назад, то жилью нужно искать заново, что не играет роли – разницы никакой. На сомнения нет намек, о сожалении нет речи, и машина уже стоит у подъезда с заправленным баком. Что еще сделать напоследок? Дорогой Гретчен воздушный поцелуй в уме, снаружи – молчок. Счета оплачены – просто по привычке, без умысла, о будущем возвращении все еще нет мысли, о тех, кто забудут, тоже не думает совсем, лишь представляет разные картины, среди которых есть:

Бывший житель столицы, загоревший и безрадостный, выходит на столичный перрон из вагона второго класса, глядя куда-то внутрь – встречающих нет. Багаж его скуден, воротник поднят – туман, сырость. Таксист принимает за приезжего, норовит словчить, пойманный на обмане обижается и замолкает. Приветствие родного города. Вас здесь ждут, добро пожаловать, как вы посвежели, просто другой человек. Куда ехать? В центр, на театральную площадь, к зданию оперы. Площадь пуста. Кто назовет другой адрес? Бывший